Григорий БЛЕХМАН

«Но ангелы с этой землёй говорили...»

О книге стихов Валентины Коростелёвой «И всё-таки в дорогу!»

В одном из разговоров с поэтом Геннадием Ивановым услышал от него фразу мудрого армянского поэта Амо Сагияна, который, размышляя о природе поэзии, сказал: *«Первая строчка приходит от Бога, а дальше твоя забота написать на этом уровне другие строчки»*.

Вроде бы просто. Но чтобы *«твоя забота»* привела к должному результату, необходимо получить *«от Бога»* не только первую строчку, а ещё и то не поддающееся точным формулировкам состояние, которое испокон веков называют вдохновением.

Многие поэты посвящают этому – самому желанному – состоянию стихи. Вот как пишет о вдохновении Валентина Коростелёва:

Сплетаются жизни мгновенья,
И будет лишь сниться полёт –
Пока наконец вдохновенье
Тебя от земли оторвёт.
О, радость волшебного мига,
О, щедрость ума и души –
Когда отпускают вериги
И музыка правит в тиши!
И не было горя как будто,
И – близость небесных светил…
За эти святые минуты
Кто сердцем своим не платил!

Эта *«музыка правит в тиши»* тоже у каждого по-своему. Но поэт, опять же *«от Бога»*, наделён свойством почувствовать и сказать о своём так, будто сказал о каждом из нас.

В поэзии Валентины Коростелёвой есть редкое сочетание – мудрости, которая приходит только с годами (да и то далеко не ко всем), и молодого мироощущения, которое подвластно лишь молодой душе. Поэтому, когда она говорит:

Но меня к земле не тянет,
Мне по нраву небеса… – это абсолютно органичное для неё состояние.

Вообще же вся поэзия Валентины Коростелёвой – это летопись души. Недаром Евгений Нефёдов, прекрасный поэт, свою пародию на неё заканчивал строками:

Как много, душечка Валюша,
В твоей поэзии души!

Причём в разных жизненных ситуациях, касается это лирики или даже публицистики. Поиному она не умеет, да и не хочет. Тем более великая русская поэзия – всегда рядом.

Например, Валентина в стихотворении «Когда жива душа…» пишет о себе:

Жива душа – и путь заветный прям,
И дарит свет любимая икона,
А память возвращается к полям
Родной земли и небесам бездонным.
Когда жива душа – поёт любовь
И мёдом разливается по жилам,
И двум сердцам почти не надо слов,
Поскольку всё за них любовь решила.

Не правда ли, ведь и в каждом из нас происходит нечто подобное, *«когда жива душа»*?

И будто продолжением разговора о том, *что* всегда живёт в нас и в памяти нашей, и в свой срок оживает, звучит стихотворение *«Любовь и свет»*:

Ах, было! Лишь глаза прикрою –
Летела жизнь на всех парах,
И было что-то гулевое
В весенних праздничных ветрах.
Мечты сбывались то и дело,
И не горька слеза была.
А это молодость гудела,
А это юность всё могла.
Мы были искренно счастливы
И не стыдились ясных глаз.
И честь и вера в справедливость
Ещё вели надёжно нас…
А нынче всё на душу пало –
Волна чернухи, тяжесть лет,
И всё же сердце не устало
Благословлять любовь и свет!

Думаю, две заключительных строчки этого стихотворения и дали посыл к названию книги, вышедшей в издательстве «Вече», потому что *«и всё-таки – в дорогу…»* поэт может сказать лишь в том случае, когда чувствует желание *«благословлять любовь и свет»*. Ведь дорога бывает и внешняя, и внутренняя – *«по волнам»* собственной памяти, которая зовёт:

Туда поехать, в вятскую глубинку,
Увидеть бесподобные снега
И трепетную тонкую рябинку –
С одной серёжкой в виде огонька.
Туда поехать, где дороги помнят
Моих шагов летучий говорок,
Где хоть и не бывало счастье полным,
Но был зато родимый уголок.
Туда поехать, в небыли и были,
Туда, где юность всё-таки была,
Где мы с тобой так многое любили,
Что и душа свободная цвела…

И, конечно, не угасает память о тех, кто вынес все тяготы Великой Отечественной, как погибший отец Валентины и мать, поднявшая и воспитавшая трёх дочерей. Тем более что с возрастом и мыслить начинаешь глубже, поскольку всё больше хочешь понять главное из того, что выпало постичь за прожитые годы.

Вот и время
жалеть матерей,
И прощать им
капризы, как детям,
И прощаться потом
у дверей,
И в тревоге
не спать до рассвета.
А они,
живы нашим теплом,
А уж коли точнее –
любовью,
Возвращаются
в старенький дом,
Где тускнеют
полы и обои,
И, согревшись
с дороги чайком,
Золотым,
обжигающим губы,
Снова письма
разложат рядком –
Те, что помнят
военную вьюгу…

…Беречь в душе эту память и всё чаще обращаться к тем ценностям, о которых редко говорят, но чувствуют каждой клеткой кожи и жизнь свою соизмеряют именно с ними. У Валентины эта тема занимает немало места в творчестве, в том числе представлена и в этой книге:

О, Судьба, ничего не итожь,
И не надо мечты оперенья –
Сдёрни с неба вселенскую ложь,
Подари мне тепла и смиренья.
Я сегодня не девочка та,
Что зависит от сна и погоды.
Знаю я, в глубине – высота,
В укрощеньи гордыни – свобода.
Лишь хватило бы сил побороть
Лихоимство привычек столетних!
Есть два слова – Любовь и Господь,
Остальное – что живо намедни.

Но какими бы обобщёнными ни были философские размышления поэта, какими бы чарующими строками любовной лирики или лирики природы он ни наделял свои стихотворения – без гражданского самосознания его поэзия не будет зрелой в полном смысле этого определения.

И когда уже в зрелом возрасте перечитываешь любимых поэтов или читаешь кого-то из заинтересовавших тебя в наши дни, постоянно ищешь слова, где выражена его гражданская позиция. У Коростелёвой такие слова особо искать не нужно, потому что её гражданскую позицию, прямо или косвенно, чувствуешь постоянно. Приведу лишь одно из таких стихотворений – *«За душу русскую»*, – где так мудро и отчётливо это выражено:

Судьба поэта – не малина,
Но страшно, если – на краю…
Уже я вовсе не наивна,
Но жизнь однако же люблю.
Пускай вино порою горько,
А счастья – так себе, щепоть,
Но видеть чёрное, и только –
Убереги меня, Господь.
Напоминай святую правду,
Рази неверия змею!..
Я не за левых, не за правых –
За душу русскую стою.

90-е годы мало кого обошли своими потрясеньями, и тем более не миновали творческих людей, острей и безжалостней вторгаясь в их жизнь. И многие строки той поры, да и нынешней в какой-то мере, – весомое этому свидетельство.

Свалилось бремя фраз,
Всё странное измерено,
И ясно лишь сейчас,
Какие сны утеряны.
Немало битых нас,
Не ласканных парижами,
И ясно лишь сейчас,
Какие силы выжжены!..

Могу ещё долго приводить полюбившиеся строчки стихотворений или поэмы *«Банный день»*, которую так сочно написать по силам только русскому, но, думаю, этот лирический сборник лучше прочесть самому, оставшись наедине с мыслями, поведанными тебе автором. Ведь у каждого из нас собственное восприятие, основанное на эстетическом вкусе, жизненном опыте, человеческой позиции… Стоит добавить, что многие стихи, вошедшие в книгу, нашли своё место и на страницах таких журналов, как «Москва», «Наш современник», «Север», «Родная Ладога», «Берега», «Сибирь», «Молодая гвардия», «Александр»…

Мне лишь остаётся поблагодарить замечательного современного поэта Валентину Коростелёву за то, что подарила возможность ощутить истинную поэзию, читая этот сборник.

…А дух – он приходит с огромной любовью
Вот к этому небу, вот к этому полю,
И к этой бабусе на старом крылечке,
И к этой знакомой и сказочной печке,
И к этим, под небом сияющим, далям,
И к этим дорогам, где жёны рыдали –
Когда кандалы всю округу будили,
Когда на войну навсегда уходили…
Зарубки на сердце – безбожные были,
Но ангелы с этой землёй говорили,
И вряд ли бывать ей богаче и краше,
Но лишь бы навечно была она нашей!..

Оксана РАЛКОВА

Поэзия как оберег

О сборнике* молодой уфимской поэтессы Кристины Андриановой

Кристина Андрианова-Книга относится к числу авторов, для кого поэзия – попутчица, помощница, спасительница. Поэтическое творчество как оберег помогает сохранить самость и цельность личности в условиях, когда обесценилось само Слово, когда окружающие *«плюют слова повсюду…»*. Об этом говорит объёмная – более чем 200-страничная поэтическая летопись, названная «14: Уфимский дневник», где 14 – это временной отрезок с 2005 по 2018 год, когда были написаны стихи, вошедшие в книгу. Вторая часть названия говорит сама за себя – перед нами дневниковая форма поэзии:

Если Бог отнимет поэзию
В этих строчках усталых тактов,
Я не знаю, что будет дальше
С бесполезно печальным сердцем…

Значительное место в творчестве Кристины занимает тема родной земли, Родины, слабо представленная в современной молодой поэзии. Гражданственность, выраженная через боль за происходящее с нами в настоящем, радость за героическое прошлое нашего народа, искреннее со-радование и со-страдание общей судьбе отражены во многих стихотворениях книги. Здесь делается попытка показать необъятность и непостижимость, разнородность и цельность, силу и величие России, но в то же время автор признается, что, будучи городским жителем, очень сложно глубоко её понять:

Деревенская Русь золотая,
Признаюсь – я не знаю тебя…

Кристина старается выразить любовь к загадочной многогранной стране через судьбы близких людей, обращение к историческим событиям, образ любимого человека:

…Только в этих глазах,
Где реки-озёра сини,
Где есть белорусс
и сибирский казак,
Я вижу саму Россию.

Однако очень сложно вместить идею России в линейные конструкции, в форму назывной поэзии, поэтического рассуждения. Лучше всего удаётся попытка схватить образ родной земли посредством метаформы:

Выдался ярким закат.
Ягодой солнце висит.
Белые птицы летят
Вновь по багряной Руси.<…>

В этот ромашковый миг
Нет беспокойства извне.
Только пророчит старик:
«Алое небо – к войне.

Несмотря на сложный исторический путь, который проходит Россия, успешное преодоление всех немыслимых перипетий в конечном итоге оканчивается возрождением, благодаря силе веры и верности:

Перерождаясь в новую зарю,
И разливаясь в небе облаками,
Она верна небесному царю…

Обращение к теме Родины в творчестве Кристины Андриановой-Книги примечательно ещё тем, что автор проживает в национальной республике Башкортостан, где речевой и культурный контекст отличен от преимущественно русскоязычных территорий. Важно, что автор стремится объединить и примирить противоречия внешне разнородных культур:

Я люблю минареты мечетей.
И призывную песнь муэдзина…
Просто где-то, в анналах столетий,
Все различное с виду – едино.

Все едино. Не все однозначно.
Но светло – в неразгаданной силе.
И стоят минареты, как мачты
Корабля под названьем Россия.

Книга «14: Уфимский дневник» выстроена в перевёрнутом хронологическом порядке: от устья к истокам. Здесь более поздние и более зрелые стихи поставлены в начале, а ранние – в конце. Это удачный ход, потому что благодаря ему можно проследить, как менялся язык, художественные приёмы, освещаемые темы, уровень задач автора. В более зрелых стихах углубляется поэтическое видение, художественный мир становится более объёмным, благодаря вниманию к звукописи, олицетворению, информативным эпитетам, метафоре: *«Ветер-вертел накрутил тучи…»; «Урал. У Ра. У рая. / У золотых ворот…»; «О, этот ландышевый снег, / Ещё искрящийся, но хрупкий»; «И у нас озёра дышат таинством, / Шутят горы о своём неравенстве…»*.

Тем не менее, не только владение литературными приёмами является основополагающим признаком хорошей поэзии, но качество поэтической энергии, без которой не складываются стихи, эмоциональный накал, захлёстывающая волна чувств:

Без всякой злости, без обид
Ты видишь, как душа горит,
Славянским Фениксом горит
В огне словесном.
И это то, что быть должно,
Что отстоялось, как вино,
И кем-то свыше суждено
И стало песней…

Поэзия спасительна, она идёт рядом с автором в течение жизни, собирая, концентрируя, сохраняя сознание цельным. Особенно актуальным это свойство поэтического творчества становится тогда, когда информационное поле, окружающее человека в повседневной жизни становится слишком агрессивным. Обращение к теме Родины также отражает стремление почувствовать укоренённость, глубинную обоснованность существования, столь необходимую для устойчивого развития и уверенного движения вперёд.

** Андрианова-Книга, К.В. 14: Уфимский дневник (электронный ресурс)*

Ольга ЛАНСКАЯ

«Господи, мне так необходимо...»

Пространство и время в поэзии Светланы Леонтьевой

Пространство в поэзии Леонтьевой обладает магической силой. Оно завораживает, рождает множество ассоциаций, поэтому воспринимается как родное и близкое. В нем отражена душа лирического героя, его трепетное отношение к жизни, размышления о смысле бытия. Это пространство памяти, истоки которой берут начало в детстве, в доме, где прошли первые годы жизни. Автор пишет о самом дорогом: отце, матери, близких людях, о Родине.

В стихотворении «О, как вода с размаху да в ведро» пространство осмысливается через детали, рисующие прошлое и воспринимаемые вначале как нечто обыденное, бытовое. Художественная деталь в этом стихотворении через ключевые слова приобретает особые смыслы, рождает значения, восходящие к представлению о духовном мире лирического героя, тех ценностях, которые являются для него главными. Бытовое, оказавшееся в круговороте времени, преображается, начинает восприниматься как нечто символическое. Так, в начале произведения слово тропка в пространстве, в котором словно остановилось время, символизирует начало жизненного пути:

Акаций запах. Тропка до вокзала.
О, добрый мир! И всё в тебе – добро!

Символичным становится и ключевое слово вода, открывающее текст и обозначающее источник жизни, начало всех начал. С одной стороны, вода – стихия, природный хаос; с другой – напоминание о детстве, родной деревне:

И вся вода – в ведро
та, что из времени Всемирного Потопа,
подзвынькивая, словно бы в нутро
вольётся детства, в лес, луга, болота…

Это вода, обладающая магическими свойствами, напоминающая о доме, его традициях, родных лесах и полях, обо всем мире. Напоминает она о детстве и о библейских временах.

Время и пространство в одно мгновение становятся единым целым, перестают существовать отдельно друг от друга. Возникает ощущение замкнутого мира, земного рая, в котором все счастливы, мир гармоничен и бесконфликтен. Он вечен. В этом мире мама остается молодой, а ребенок узнает тайну, которая заключается в том, что смерти нет:

Там мама не стареет и поёт
безбрежно: «То берёзка, то рябина…».
Там жизнь пройдёт –
размеренно, невинно.

Повторение слова там с пространственным значением возвращает лирическую героиню в прошлое, в субботний вечер, когда в душе ребенка рождается предчувствие дороги:

Мне до вокзала – ровно тридцать лет!
И мне на поезд прямо до Урала.

Предчувствие дороги рождает и образ птицы, символизирующей в тексте мечту, надежду, ожидание чуда, нежность и любовь:

И я пойму, когда расставим стулья,
все птицы – голуби! И каждая летит
и держит ветвь оливковую в клюве!

Но будущее героини связано с иным пространством, в котором человек обречен на страдания. Спасение дочь видит в песне матери, ее душе, памяти о детстве, в добром отношении к миру:

Судьба мне сколько б душу ни ломала,
но знаю я секрет от разных бед:
все птицы – голуби! Оливковая ветвь
у всех и каждого!
И то, что сны крылаты.
Что надо петь, что надо петь и петь,
хватая воздух ртом под цвет помады!

О материнской любви, трагической судьбе женщины, всепрощении, о возвращении блудной дочери к родному очагу повествуется в стихотворении «О, как возвращаемся мы к старым мамам». В этом произведении говорится о том, что простить и понять своих детей может только мать.

По-особому в стихотворении организовано пространство. Трагедия жизни осознается в тексте через пространственные ориентиры:

Да, к маме не стыдно
с ребёнком в подоле
без денег, без веры сквозь белое поле.
По грязной дороге, где ямы, ухабы,
где возле болот водянистые жабы.

Говорится в произведении и о любви к дому, который воспринимается как корабль в бушующем океане, загадочное пространство природы со своими тайнами, готовое к перевоплощению:

Я связана с домом не нитью – канатом,
там ветер норд-вестовый,
вещий, лохматый.

Дом героини – пространство, в котором нельзя лгать, изменять самому себе, где все связано со стремлением к свободе. Отсюда такой порыв к небу, неприятие чуждого мира, существующего по иным законам:

Вся фальшь позади –
речи, взоры, банкеты.
А руки мои – прямо в небо воздеты!

Понятие «дом» восходит к противопоставлениям «дом – душный мир», «дом – Арбаты, Египты, Мальты», то есть слово дом приобретает значения «родная деревня», «Родина», «Россия»:

Из душного мира
в простор возвращаюсь,
калитка, сельмаг, возле сада сараи…
Как яблоко – яблоне прямо в колени,
как будто последний я
радостный пленник.
Прощайте Арбаты, Египты и Мальты,
пустынной горячкой больные асфальты.

Героиня чувствует себя счастливой, когда видит калитку, сад, сараи, сельмаг, дикого селезня, который представляется ей райской птицей:

Чтоб селезень дикий
в алмазных накрапах
стоял не убитый на розовых лапах!

Дорога с жар-птицей, о которой вспоминает героиня, самая главная в ее жизни. Это пространство, о котором она мечтает, особенное, потому что образ дороги вобрал в себя представление о прошлом, настоящем и мечте. С одной стороны, на этом пути человек чувствует неразрывную связь с природой (отсюда готовность преодолеть все преграды), с родным домом; с другой – прощание с прошлым, в которое вернуться больше невозможно:

Грачиной тропинкой, цепляясь за корни,
я шла бы и шла всё быстрей,
всё проворней.
Закончен исход! Нет моста за спиною,
лишь ягоды ранка и та – под ногою…

Словосочетание ягоды ранка оставляет ощущение хрупкости мира, природы, которая нас окружает, символизирует исчезновение прошлого, ту тайну, которая сокрыта в смысле бытия.

В стихотворении «Я этим хвойным воздухом дышу» говорится о вечной родительской любви, которая для человека является основой всех основ:

Любовь и доброта – она такая,
она во всём, и всеохватна, и везде,
ей нет погибели, она не умирает!

Передавая чувства лирической героини, автор использует неожиданное сравнение, возвращающее человека в мир природы, красоты, гармонии. Любовь к родителям в этом стихотворении у Леонтьевой – это любовь к родной природе, к людям. Сравнивается это чувство с лесом, полем, с живительным источником:

Она, как лес сосновый, смоляной,
весь полный ягод, песен, хвойных шишек.
Любовь родителей чрезмерна,
вся – излишек,
избыток, через край –
простор льняной…

Спасенье от невзгод, страха смерти близкого человека героиня видит в хвойном запахе, световых кольцах леса. Возникает оппозиция «лес – смерть», в которой все, что связано с живой природой, ассоциируется с жизнью:

Одно спасенье – свет и хвойный запах,
туманящий, в сиреневых накрапах,
целебный. О, прошу, молю я, впредь
не говорите вслух мне слово – смерть.

Все чувства и мысли героини обращены к заболевшему отцу. В связи с этим страдания близкого человека переносятся на вещи, которые словно оживают. Силится взлететь отцовская рубаха, а дождь, как ласковая собачонка, начинает утешать:

Я знаю лишь черту, границу взмаха,
когда отчаянно отцовская рубаха,
что после стирки, силилась взлететь.
На сей раз обошлось! И щёки лижет
холодный дождь.

После всего пережитого жизнь героини снова возвращается в привычное русло. Мир становится уютным, привычным, близким. Образ розовеющего утра ассоциируется с покоем, умиротворенностью, счастьем:

Я начитаюсь книжек,
где чай остывший, где в кастрюле снедь.
И будет снова утро розоветь.

Особое внимание следует обратить на стихотворение «Господи, мне так необходимо…», в котором героиня пишет о самом сокровенном:

Господи, мне так необходимо…
Научи, уметь прощать людей,
именно сейчас, всего помимо,
чувствовать мой крест между грудей!

Чего просит героиня для себя? О чем мечтает? Что для нее главное? Пытается она понять свое предназначение. Через отрицание, антитезу «сон – явь», восприятие пространства как искривленного, деформированного раскрываются чувства и мысли страдающего человека, готового принести себя в жертву:

Господи, пошли мне, недостойной,
род людской от горестей спасать!
Что же я умею в этом мире?
Закруглённом, согнутом в дугу?

Для автора в этом стихотворении библейские времена и современность неразделимы. Трагедия героини заключается в том, что пороки людские на протяжении веков остались прежними. Через противопоставления «свет – тьма», «добро – зло», «духовное – материальное», «вера – предательство» объясняется состояние современного мира, в котором резко обострилось противостояние нравственного и безнравственного.

Топонимы Луганск, Донбасс, Украина ассоциируются с трагедией народа, страданиями невинных людей, предательством. Сочетания слов долларами купленный Пилат, дух продажный создают образ современного мира, в котором все продается и покупается, где многое решается с позиции силы:

Матерь Божья, ну и ты туда же!
В эту темень, в эту злую гать…
Где базары, площадь, дух продажный,
где Иуда. Могут где распять!
Где Луганск, Донбасс, где Украина,
долларами купленный Пилат…

Говорится в этом стихотворении и о материнской любви, о женщине, готовой принести в жертву ради спасения людей сына. В тексте начинается своеобразный диалог. Возможно, монолог, который диалогичен. Оживает лик в пространстве иконы, оживает сама Богородица, к которой обращается героиня:

О, не отпускай, во имя сына!
На иконе подними свой взгляд!
Видишь там, вдали дожди косые
по щекам, наотмашь, над рекой.
Ножками босыми по России,
как же можно – маленький такой?

Получает женщина ответ, что все испытания помогает выдержать вера, сознание того, что каждый ради добра и справедливости, спасения духовного начала, должен выполнить свой долг:

«Вырастет!» – В ответ. А звуки гуще.

Вопросы же, которые задает героиня, остаются, становятся вечными:

Время, словно масло, льётся вдоль.
Отпустить, отъять того, кто нужен?
Как вот так, пустая, чтоб ладонь?

В конце стихотворения обращает на себя внимание метафора огонь в огне, характеризующая героиню. Данное выразительное средство символизирует страдание и одновременно свет, тепло и жизнь:

И, во след крестя, в тугом вагоне,
выхватив его лицо в окне,
мальчик мой, гляди, на небосклоне,
в этом солнце я – огонь в огне!

Поэзия Леонтьевой, ее художественный мир – пространство магическое и загадочное, как и вся поэзия. Это мир, в котором время, библейское и современное, связанное с бытовыми реалиями, по-особому характеризует героиню, человека страдающего, неравнодушного и любящего, пытающегося ответить на трагические вопросы бытия, это дневник нашей современницы.

г. Липецк